

Кравченко Альбина Кожобаевна
**МИФ КАК НАЦИОНАЛЬНО СПЕЦИФИЧНЫЙ
КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**
(сравнительный анализ вербальной репрезентации алтайских и
америндских мифов)

специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Барнаул – 2007

Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО
«Горно-Алтайский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук
Пищальникова Вера Анатольевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Пшенкина Татьяна Геннадьевна
кандидат филологических наук
Яимова Нина Александровна

Ведущая организация: ИНИОН РАН

Защита состоится 14 ноября 2007 года в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.005.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет».

Автореферат разослан «...» октября 2007 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н.В. Панченко

Реферируемая работа посвящена изучению мифа как когнитивной структуры, отражающей этнически специфичное содержание картины мира, и исследованию воздействия мифологических представлений на языковую картину мира.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена целым рядом факторов. В первую очередь тем, что проблема сущности мифа как одной из стереотипных форм хранения и представления знания стала интенсивно изучаться в рамках современной философии, логики, психологии и лингвистики. Определяя место мифа в моделях сознания, ученые все чаще говорят о том, что именно он является ключевым феноменом понимания таких подсистем сознания, как научное, философское знание, эстетическое чувство, совокупность нравственных, политических, религиозных, правовых и других знаний.

Вместе с тем, вопрос об этнопсихологическом содержании мифа до сих пор остается нерешенным, хотя рефлексия над природой мифа имеет долгую историю в европейской традиции. Основные направления его интерпретации (символизм, аллегоризм, эвгемеризм) возникли в классической древности. Так, Платон представлял мифологию как символическое изображение окружающего мира [ФЭС, 1997: 343-344], софисты и стоики понимали миф как моральные сентенции, выраженные символами и аллегориями [ФЭС, 1997: 437], а Эвгемер, абстрагируясь от всего сверхъестественного, видел в мифах рассказы о реальных событиях [ФЭС, 1997: 528].

Часть современных исследователей, пытаясь выявить сущностные характеристики мифа, концентрирует внимание на проблеме его происхождения. В рамках генезисного рассмотрения выделяются две основных тенденции: *эмпирическая*, ориентированная на внешние факторы происхождения текстов в глубокой древности и *психологическая*, в рамках которой, фактор времени становится иррелевантным, т.к. миф рассматривается, прежде всего, как конструкция сознания, а мифотворчество как сущностная ментальная характеристика человека. Исходя из этого, признается факт возможности создания мифов в любую историческую эпоху,

Примером эмпирического дискурса является концепция Д. Фрезера, согласно которой ритуал, язык и миф возникают последовательно. В филогенезе ритуальное действие считается первым социально значимым семиотическим процессом, на основе которого формируются язык и мифологические представления. Э.Б. Тайлор [Тайлор, 1989], Дж. Фрэнгер [Фрэнгер, 1980:536], Н.Б. Мечковская [Мечковская, 1998:50] и Вяч.Вс. Иванов [Иванов, 1985:351] полагают, что словесный язык возникает на основе языка символических действий, а миф является описательной формой ритуала, древнейшей вербальной структурой и одним из способов хранения внутриэтнической информации.

Наибольшее количество последователей имеет направление, рассматривающее миф в контексте познавательной деятельности человека как когнитивно-семантическую универсалию, специфический антропологический феномен, лежащий в основе индивидуального сознания. При этом исследовате-

ли (К. Леви-Стросс [Леви-Стросс, 1983], Э. Кассирер [Кассирер, 2002], Л. Леви-Брюль [Леви-Брюль, 1983], Э. Тайлор [Тайлор, 1989], М.В. Никитин [Никитин, 2003] и др.) особо отмечают социальную обусловленность возникновения и функционирования мифа.

Таким образом, актуальность исследования продиктована необходимостью выявления закономерностей взаимодействия информационного пространства мифа с системой языка и обнаружения механизмов воздействия мифа как социально обусловленного ментального феномена на психологию этноса в целом. Кроме того, малая степень изученности вопроса об архаическом ядре алтайской языковой картины мира; неослабевающий интерес к проблеме выявления соотношения общечеловеческого и этнически специфичного в миропонимании индивида; необходимость дальнейшего исследования категоризирующего потенциала мифа и рассмотрения механизмов влияния мифологем на характер структурирования языковой картины мира делают подобные исследования чрезвычайно актуальными.

В диссертационной работе мы рассматриваем миф, прежде всего, как *“когнитивную структуру, содержание которой зависит от характера и степени систематизации, накопленных социумом знаний”* [Пищальникова, 1993:102]. Известно, что все когнитивные категории, схемы и модели, лежащие в основе человеческого мышления и отображающие специфику культуры, так или иначе, репрезентируются в языке. Поэтому миф рассматривается нами и как *вербальная структура*.

Объектом исследования является содержание и структура мифа.

Предмет исследования - способы вербального представления компонентов базовых концептов, зафиксированных в алтайских и индейских архаических мифах.

Материалом исследования послужили 397 мифов североамериканских индейцев, опубликованных в печатных изданиях, 169 мифов, размещенных на специализированных сайтах глобальной сети Internet, 356 алтайских мифов, а также алтайский героический эпос «Маадай-Кара».

Выбор космогонических мифов в качестве материала исследования продиктован тем, что большинство из них складывалось в период первоначального структурирования знаний об окружающей среде и формирования космологических представлений этноса как основы этнической картины мира. Близость алтайских и америндских мифологических сюжетов, номенклатурно-функциональное сходство персонажей и приемов представления содержания обусловили сопоставительное исследование архаических моделей мироздания алтайцев и американских индейцев. При анализе материала, включающего 923 текста, использовались данные этимологии, словообразования и словоупотребления в древнетюркском, алтайском и америндских языках, зафиксированные в соответствующих словарях, свидетельства информантов-носителей языка, а также мнемонические символы как невербальный способ верификации интуитивно-эмпирической интерпретации концептов.

Цель исследования заключается в изучении национально специфичных компонентов концептов, входящих в алтайскую языковую картину мира, предположительно обусловленных влиянием архаических мифов.

Достижение поставленной цели требует решения **задач**, включающих:

1) рассмотрение структурного и содержательного аспектов феномена “концептуальная картина мира” как сферы функционирования мифа;

2) определение статуса мифа, характеристику его структурных особенностей как конвенционального стереотипа;

3) проведение комплексного анализа алтайских и индейских космогонических мифов и выявление:

а) особенностей содержания архаических мифов как стереотипных форм хранения и трансляции знаний;

б) базовых концептов архаической картины мира.

4) реконструирование фрагментов первичного состояния алтайской языковой картины мира;

5) раскрытие механизмов концептуализации, как то:

а) использование опыта языковой личности при описании мироустройства;

б) проникновение культурно маркированного содержания в значение языковых единиц.

Гетерогенность изучаемого объекта и специфика перечисленных задач обусловили интегративный характер исследования, что объясняет обращение к следующим **методам исследования**:

1) *методу тематической систематизации*, заключающемуся в выявлении однотипных сюжетов в комплексе прецедентных текстов, объединении их в группы и вычленении ведущего мотива;

2) *методу интроспекции*, состоящему в переводе интуитивно известных исследователю как носителю языка представлений в логические структуры и дефиниции;

3) *методу реконструкции первобытного мировоззрения*, основанному на культурно-историческом изучении духовной жизни и мыслительной деятельности народов, которые в силу тех или иных исторических причин сохранили характерные черты реликтовой культуры, социального слоя и соответствующего общественного сознания;

4) *методу ретроспективной реконструкции прототипических концептов*, который был разработан нами специально. В основе его – учение о внутренней форме А.А. Потебни [Потебня, 1989] и теория концептуальных систем Р.И. Павлениса [Павленис, 1983]. Высказанные в них положения о континуальности и непрерывности построения системы смыслов, о структуре концепта и способности языкового значения репрезентировать его в целом, позволили предположить, во-первых, принципиальную возможность функционирования архаических концептов в современной языковой картине мира; во-вторых, возможность выявления синтагматических и парадигматических взаимодействий смысловых пространств доминантных архаических концептов путем анализа мифологических текстов. Метод позволяет рекон-

струировать целостные фрагменты древней культуры, максимально избегая при этом атрибуций современных воззрений;

5) *методу логического сопоставления* концептов и мифологем генетически родственных этносов: древнетюркского, алтайского и индейских народов, мифологические и языковые системы которых, существуют в отношениях дополнительности;

б) *элементам компонентного анализа*.

Интегративность исследования состоит и в синтезировании парадигматических проекций: когнитивной, психолингвистической и синергетической. Сочетание когнитивного и психолингвистического подходов обеспечивает взаимопроникновение методологических интенций, т.к. «в основе когнитивного подхода к языку лежит реконструкция когнитивных структур по данным внешней языковой формы» [Кибрик, 2003:46]. Психолингвистический подход предполагает встречное конструирование – понимание текста, исходя из комплекса свойственных человеку психических процессов. Необходимость синергетического подхода обусловлена тем, что для первобытного сознания в эпоху создания древних космогонических мифов характерно, по мнению многих исследователей, синкретичное восприятие окружающего мира при отсутствии развитого, детального анализа. Выделяя целостность восприятия и отражения пространственно-временного континуума древним человеком, мы предполагаем, что системно-эволюционный подход может позволить провести продуктивный анализ раннего мировидения и вывести исследование в области лингвистического анализа текста на более высокий философско-антропологический уровень.

Наше исследование интенционально асимметрично, т.к., хотя сравнительному анализу подвергается вербальная репрезентация алтайских и индейских космогонических мифов, в фокусе нашего исследования находится только алтайская ЯКМ. Детальный анализ специфики языковой картины мира американских индейцев не входит в рамки нашего исследования, её данные используются как необходимый инструмент верификации смысловых интерпретаций, т.к. «всякая внутренняя реконструкция, по мере того, как она отдалается от современного исследователю момента времени, постепенно переходит во внешнее сравнение сначала близкородственных диалектов одного языка, затем генетически родственных языков» [Степанов, 2003:124]. Исследования в области генетической антропологии [Рычков, 1999] и компаративной лингвистики [Dumézil, 1954], [Wikander, 1957] позволяют рассматривать америндские и алтайские языки в качестве таковых.

Асимметрия исследования обусловлена и тем, что в отличие от алтайских мифов, анализ вербальной репрезентации индейских мифов проводится опосредованно, т.е. изучению подвергаются оригинальные тексты, переведенные на язык–медиатор либо со слов членов этнического сообщества, либо самими носителями языка в построчном виде. Мы считаем это допустимым, т.к. в большинстве случаев дословный перевод полностью передает содержательную сторону текста и в достаточно большой мере его культурно-языковую специфику. Таким образом, исследование даже трансформирован-

ных мифологических текстов дает возможность реконструировать, в известном приближении, исконные значения языковых единиц, и, следовательно, фрагменты древнего состояния картины мира. Кроме того, дополняющие друг друга исследовательские проекции позволяют выявить наиболее вероятностную модель эволюции и деривации первичных значений.

Научная новизна исследования состоит в интегративном подходе к реконструкции фрагментов прасостояния картины мира. В рамках концепции, развиваемой в работе, универсальные онтологические ассоциации и когнитивные паттерны впервые соотносятся с перцептивно и концептуально выделенными объектами реального мира. Впервые применяемый метод ретроспективной реконструкции прототипических концептов позволяет не только выявить наиболее вероятностные динамические модели фрагментов архаической картины мира, но и обнаружить предположительно обусловленные воздействием мифов слабо рефлектируемые концептуальные связи между значениями языковых единиц.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных исследователей в области философии и лингвофилософии (В.ф. Гумбольдта, Л. Витгенштейна, Л. Вайсгербера, И.Г. Гердера, Г.В. Колшанского, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорского, А.А. Потебни), логики (Р.Й. Павилениса, Н.И. Кондакова), психологии (Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, В.П. Зинченко), психофизиологии (П.К. Анохина, В.Б. Швыркова, Ю.И. Александрова), культурологии и этнологии (Е.М. Мелетинского, К. Леви-Стросса, Э. Кассирера, Л. Леви-Брюля, Э. Тайлора, Р. Редфорда, Н.Б. Мечковской, С.В. Лурье), лингвокультурологии (Э. Сепира, Б.Л. Уорфа), когнитивной лингвистики (Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Ч. Осгуда), психолингвистики (А.А. Леонтьева, В.А. Пищальниковой, А.А. Залевской, Л.М. Босовой), синергетики и лингвосинергетики (В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, Е.Н. Князевой, В.А. Пищальниковой).

Теоретическая значимость работы заключается в дальнейшей разработке и теоретическом осмыслении вопросов, связанных с функционированием мифа как когнитивной структуры, его роли в хранении и трансляции знания. Теоретически значимым представляется дальнейшее исследование когнитивных процессов, принципов организации семантической памяти и факторов, обуславливающих когнитивный стиль этноса. Кроме того, в работе выдвинут и последовательно разработан тезис о преметафорической стадии архаической картины мира, индикаторами которой являются метонимические когнитивные схемы.

Практическая ценность исследования состоит в том, что основные положения и выводы, касающиеся специфики алтайской языковой картины мира, могут использоваться в материалах курсов по сравнительной типологии и теории языка. Наблюдения, касающиеся воздействия мифологических представлений на структуру языка, могут быть привлечены в качестве иллюстративного материала в курсе когнитивной семантики.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Архаический миф является когнитивной структурой, формируемой на базе имманентного коллективного бессознательного, что определяет его адаптивность, устойчивость и универсальное содержание.

2. Миф как один из видов конвенционального стереотипа, образованный и функционирующий по типу социальных функциональных систем, обеспечивает приспособительную способность индивида к условиям внешней социальной среды.

3. Мифологические концепты, составляют значительную часть этнически специфичного содержания языкового сознания, конституируя языковую картину мира этноса.

4. Миф как устойчивая когнитивная структура является эффективным инструментом реконструкции исторического состояния картины мира, актуализирующим моменты приращения смысла, фиксируемые системой языковых презентаций.

5. Фрагменты архаической картины мира характеризуются специфическим соотношением универсальных когнитивных схем. Доминирующими являются метонимические модели, выявляющие базисные отношения элементов реального или возможного мира.

Структура работы: Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии включающей 216 работ отечественных и зарубежных исследователей, списка источников, взятых из глобальной сети Интернет, списка словарей и справочных изданий, списка источников иллюстративного материала и списка сокращений.

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, выделяются объект и предмет исследования, раскрывается научная новизна работы, формулируются цели и задачи, перечисляются применяемые в ходе исследования методы, определяется теоретическая и практическая значимость работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования, сообщается структура работы.

Первая глава посвящена теоретическому рассмотрению ведущих концепций картины мира как сферы функционирования мифа и подбору наиболее продуктивных способов реконструкции фрагментов максимально раннего состояния языковой картины мира с целью выявления её национально-культурной специфики

Во второй главе рассматриваются проблемы структурно-содержательных свойств мифа, характер представляемого им знания, функций и механизмов влияния на индивидуальное и общественное сознание. Особое внимание уделяется архаическому мифу как стереотипному способу представления культуроспецифичного знания и мифологическому типу мышления как эволюционному этапу развития когнитивной способности.

Третья глава посвящена обоснованию отбора материала исследования; анализу содержания космогонических мифов алтайцев и североамериканских индейцев; моделированию фрагментов архаической картины мира путем вы-

явления инвариантных смыслов и их ассоциативных референций, репрезентированных в текстах космогонических мифов.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейших интегративных исследований влияния мифа на характер структурирования картины мира.

Апробация работы проводилась на заседаниях кафедры английского языка и кафедры русского языка Горно-Алтайского государственного университета. Основные положения работы были представлены на VIII Международной научно-практической конференции «Реальность Этноса» (г. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 4-7 апреля 2006); Международной научно-практической конференции «Языки и литературы народов Горного Алтая» (г. Горно-Алтайск, 16-19 июня 2005), Всероссийской научно-практической конференции «Алтай-Россия: через века в будущее» (г. Горно-Алтайск, 16-19 мая 2006); I Международной научно-практической конференции «Горный Алтай: проблемы билингвизма в поликультурном пространстве», посвященной 250-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав России (г. Горно-Алтайск, 23-25 июня 2006), а также нашли отражение в шести публикациях автора. (1,5 п.л.).

Основное содержание работы

Глава 1. Теоретические основания исследования этнокультурной специфики языковой картины мира

Исследование сущности *картины мира* ведется в различных областях научного знания. Так, философские модели представляют картину мира как интериоризированную в результате отражательной деятельности действительность. Отечественная логика исследует механизм образования и функционирования картины мира, отражающей познавательный опыт носителя языка, как на языковом, так и на доязыковом этапах и уровнях. Интерес культурологических наук сфокусирован на национально-культурной вариативности картины мира. Вклад психологических исследований состоит в выявлении механизмов, обуславливающих когнитивную деятельность индивида. Лингвистика исследует соотношение картины мира и языка, его функции в механизме отражения действительности и фиксации мыслительного содержания. Однако, в рамках концепции, развиваемой в работе, наиболее продуктивной представляется психолингвистическая парадигма, осуществляющая интегративный подход к выявлению сущности картины мира как к сфере функционирования мифа, соотносящая феномены картины мира и концептуальной системы, репрезентантом которой является текст.

Так как заявленная цель требует изучения эволюционной динамики дискретного означивания континуальных смыслов, второй раздел главы посвящен подбору наиболее продуктивных способов реконструкции фрагментов максимально раннего состояния языковой картины мира.

Признавая справедливым мнение Т.В. Цивьян о том, что антропоцентрический экскурс в начальную историю формирования человеческого познания является необходимым условием анализа структуры модели мира

[Цивьян, 1990: 31], мы предполагаем, что выявление национальной специфики языковой картины мира целесообразно и продуктивно проводить в процессе хотя бы фрагментарной реконструкции свободного от специфических культурных наслоений последующих эпох архаического состояния картины мира. При этом учитывается, что моделирование историко-эволюционных этапов конструирования языковой картины мира во взаимозависимых связях с социальным и физическим окружением требует рассмотрения развития объема и содержания значений, в которых обязательно отражается объективность понятийного содержания, основанная, прежде всего, на принципах общечеловеческой перцепции.

В основу реферируемой работы положено представление о значении как «устойчивой, но внутренне (принципиально) динамичной структуре, реализующей определенный способ познания действительности, дискретизированной определенным звуковым образом, который поэтому входит в значение, и символизирует его» [Пищальникова, 2002: 16-17]. При этом основным ресурсом реконструкции переосмысления значения является текстовая актуализация внутренней формы лексем, которая выявляет синтагматический (метонимический) и парадигматический (метафорический) способы познания мира.

Традиционно считается, что архаическому мышлению свойственно оперировать метафорами. При этом известно, что необходимость в абстрактных рассуждениях и когнитивных метафорах, возникает только на определенном уровне – будь то онтогенез или филогенез. Кроме того, понимание метафоры требует высокой степени развития ассоциативного мышления и владения техникой метафорических переносов.

С точки зрения формальной логики, различия между когнитивной метафорой и когнитивной метонимией также представляются существенными. В основе метонимии (греч. *metonymia* - переименование) лежит *анализ как когнитивно-логический прием*, результатом которого может быть «выделение реалий и их наблюдаемых свойств; вычленение противоречащих сторон; подклассов из классов, содержимого и содержащего, частей целого и пр.» [ЛС, 1971: 28]. Вместе с тем, экспериментальные психологические исследования показали, что метонимические схемы имеют различный коэффициент когнитивной востребованности. Так, степень близости смысловых связей *скрипка, струна, смычок* подтверждается более отчетливыми специфическими сосудистыми реакциями, чем цепочка: *скрипка, арфа, барабан* [Лурия, 1971: 52], что подчеркивает образно-ситуативную логику конвенциональной метонимии.

Безусловно, анализ – процесс не изолированный, и интеграция когнитивных приемов приводит к образованию новых познавательных схем. Однако, человек уже на ранней стадии развития способен совершать логические операции обобщения, классификации и анализа, оперируя чувственными образами, благодаря пониманию всеобщей взаимосвязи предметов, явлений и процессов в природе. Следовательно, метонимические структуры, репрезентирующие рефлексию многообразия форм отношений в мире (основание и

следствие, причина и следствие, часть и целое, отношения между частями внутри целого, подчинение и соподчинение, аргумент и функция, следование во времени и др.), входя в состав метафорических структур в качестве знания о прототипе, могут рассматриваться как элементы базового уровня концептуализации. В попытках выявить динамику соотношений архаических концептов и соответствующих языковых значений, концептуальная метонимия может справедливо рассматриваться как индикатор архаичности когнитивных структур.

Для выявления объективных концептуальных отношений и преодоления гипотетичности в ходе реконструкции фрагментов древних состояний картины мира, важно учитывать соотнесенность речевой актуализации смысла с конвенциональным значением, т.к. в их реальном взаимодействии происходят все вероятные модификации и смысла, и значения. Следовательно, взаимодополняющее использование методик семантического и смыслового полевого анализа, разработанных Л.М. Босовой и И.А. Герман [Босова, 2000: 55], может оказаться плодотворным для исследования реального взаимодействия единиц концептуальной системы, последовательности конструирования инвариантной картины мира и выявления модификаций архаических концептов, реализованных в национально специфичных чертах языковой картины мира. Когнитивное пространство концепта можно моделировать с учетом взаимодействия множества семантических и смысловых полей, не разделяя их контуров, но обязательно выделяя инвариантный понятийный компонент в качестве интегративного признака и привлекая вербальный мифологический контекст.

Важность выявления скрытых психических моделей, лежащих в основе специфики культуры и языка, обращает внимание на общественно-значимую часть концептуальной картины мира и содержащуюся в ней специфическую систему конвенциональных знаний, к числу которых мы относим миф.

Глава 2. Миф: сущность и структура

Представление о мифе как форме и способе миропонимания прочно утвердилось в науке благодаря предположению о существовании в прошлом такой стадии развития человека и общества, когда сумма знаний об окружающей действительности, элементы языковой системы и формы организации культуры обнаруживали четкую взаимосвязь с мифологической информацией.

Ряд исследователей допускает, что в мифе проявляется свойственная человеку способность организовывать окружающее пространство в разумно-духовное целое. И эта исходная инвариантная форма опыта и переживания мира заложена генетически.

Врожденная схема освоения человеком материального мира в современной науке известна под термином "архетип", который был введен К.Г. Юнгом для обозначения биофизиологического, формообразующего элемента чувственно-перцептивного опыта, отражающего общую структуру бытия [ПС, 2004: 35]. Являясь нейродинамической структурой, обуславливающей дорациональное восприятие пространственно-временного континуума, архе-

тип может спонтанно реализоваться в психике в виде смутно-бессознательных представлений о структурных принципах организации бытия или интерпретироваться в виде идеальных образов.

В результате знаковой трансформации архетипов образуются *мифологемы* внешнего и внутреннего пространства, модели стихий, определенных фигур и ситуаций, графико-геометрические символы, совокупность которых составляет вненациональное ядро мифологических систем различных культур.

Мифологема как осознаваемая когнитивная единица и вербально оформленный фрагмент целостной системы знаний о мире является когнитивно-семантической универсалией раннего осмысления мира. Репрезентируя наиболее глубинные содержания сознания, мифологемы могут выявить как механизмы начальной ступени концептуализации, осуществляющейся на базе пространственных категорий, "подказанных" архетипом, так и наиболее архаичные структуры их вербального воплощения.

Известно, что мифами называют не только древние предания о происхождении и устройстве мира, но и усвоенные современным массовым сознанием иллюзии и искаженные представления, что определяет принцип классификации мифов на архаические и современные. При всей поверхностности хронологического подхода, существенные различия в характере представляемых мифами знаний очевидны. Так, иллюзорность и ложность, входящие в определение современных мифов, в случае с архаическими мифами перемещаются на задний план как несущественные, уступая место эстетическим признакам. Кроме того, со временем сужается познавательный фокус мифа; древние люди пытались посредством мифа постичь мир в целом, для наших современников это в основном способ постижения человека человеком.

Кроме того, архаический миф, оперируя прецедентами, имеет существенное отличие от более поздних религиозных (библейских, ведических и др.) мифов. Особенность древних текстов состоит в транзитивности и адаптивности содержания. Они легко транслируются от одного этноса к другому, ассимилируя новые персонажи и их функции. А в религиозный миф "не может быть помещен никакой случайный персонаж, каким бы избытком власти, силы или софистической аргументации он ни обладал" [Секацкий, <http://www.kassandriod.narod.ru/commentary/zurnal/03/2/sek/htm>].

Считая справедливым определение мифа как *когнитивной структуры, характер и содержание которой зависят от суммы и степени систематизации накопленных социумом знаний*, данное В.А. Пищальниковой [Пищальникова, 1993:102], мы отличаем архаические мифы, в основе которых лежит первичное до-опытное знание о мире, от религиозных и современных социальных мифов.

Устойчивость, воспроизводимость и адаптивность мифов позволяет предположить, что перечисленные свойства отражают особенности психофизиологического механизма образования мифа. Известно, что в науках, изучающих физиологический субстрат психической деятельности, однажды разработанные познавательные схемы, закрепленные в результате многократной актуализации, соотносят со стереотипами, сформированными и функциони-

рующими по типу функциональных систем. При этом подчеркивается, что операциональная архитектура функциональных систем является универсальной независимо от уровня; любой поведенческий и умственный акт строится как действие ансамбля клеток из разных областей нервной системы. Например, решение сказать какую-либо фразу или высказать суждение складывается абсолютно так же, как и всякое другое решение; а метаболические процессы живой клетки идентичны информационным процессам внутри сложных экологических систем, таких, как международная экономика или человеческое общество в целом [Анохин, 1978].

Современная психофизиология утверждает, что психические процессы, характеризующие поведенческий акт как целое и нейрофизиологические процессы, протекающие на уровне отдельных элементов, могут быть сопоставимы через информационные системные процессы организации элементарных механизмов в функциональную систему для достижения организмом приспособительного эффекта [Александров, 2004: 372].

Таким образом, *полезный результат действия* выделяется в качестве основного сущностного признака стереотипа. И в этом смысле архаический миф, в значительной степени обуславливавший успешные действия индивида и этноса во взаимодействии с природной и социальной средой в течение длительного отрезка времени и продолжающий оказывать влияние на когнитивные процессы, можно рассматривать как специфический тип конвенциональных стереотипов, характеризующихся особой степенью устойчивости универсального содержания.

Для понимания архаического мифа как реально функционирующего явления на фоне всей истории развития человечества, необходимо обращение к синергетической парадигме. Так как именно синергетика, предлагающая «интригующую перспективу познания человеком самого себя в эволюционирующей самореферентной Вселенной» [Аршинов, 2004: 119], позволяет рассматривать когнитивные процессы в соотнесении с архаическим мифом. Функционирующий в эволюционной проекции миф может рассматриваться как *коллективная долгоживущая переменная высокого иерархического уровня*. Являясь на определенном этапе параметром порядка (управляющим параметром), архаический миф способен детерминировать структуру и функционирование короткоживущих элементов. Следовательно, именно вербальная репрезентация архаического мифа, может выявить механизмы конструирования и языкового воплощения КМ, актуализировать связи между разрозненными фрагментами архаического ядра картины мира, путем выявления интерпретативной основы преобразования значений языковых единиц.

Глава 3. Базовые концепты архаической картины мира

Реконструкция фрагментов прасостояния алтайской языковой картины мира производится с использованием америндских мифологических данных, которые рассматриваются как продукт генетически родственного этноса. Это положение аргументируется рядом антропо-генетических, лингвистических, социально-цивилизационных и культурологических обоснований. Кроме того, установлено, что формирование и развитие мифологии алтай-

ского и индейских народов, в основном, подчинено общим типологическим закономерностям, которые легко обнаруживают себя при сравнении. Таким образом, совпадения по номенклатуре персонажей, характеру их действий и основным сюжетным мотивам могут свидетельствовать о психологической, социальной, культурной и историко-эволюционной обусловленности сходства мифологического осмысления внешнего мира. А зафиксированная в процессе их продукции мифологическая апперцепция может способствовать выявлению механизмов обработки языковых и внеязыковых знаний. Вопрос о репрезентантах архаического мыслительного содержания также решается посредством анализа мифологических текстов. Частотность упоминания в этиологическом контексте позволяет предположить, что ядром картины мира могли быть концепты, объективирующие наиболее значительные объекты и явления природы, воспринимаемые органами зрения, слуха и осязания, такие, как *солнце, луна, звезды, небо, земля, вода, огонь* и пр. Содержащийся в них значительный объем межкультурного знания служит доказательством включенности в инвариантную часть картины мира, и, следовательно, занимаемого ими центрального положения в архаической картине мира, что позволяет определить их как базовые.

Например, выделенный нами в качестве базового, концепт **ярык** – (светло) в алтайской ЯКМ репрезентирован лексемой, идентичной по звуковой форме с лексемой *ярык* со значением *разбитый*. Предположив, что идентичность плана репрезентации соответствующих концептов может свидетельствовать об их мыслительной корреляции, мы обнаруживаем ситуацию, описанную в мифе ирокезов, в которой оба репрезентируемых концепта сходятся в единой смысловой точке. «...Женщина разбивает небесную твердь, и свет из верхнего мира попадает в нижний».

Мифологический контекст выявляет основания метонимической интерпретации первичного значения, которыми являются отношения причины и следствия, существующие между действием и его результатом.

Подтверждением корреляции значений *разбивать* – *светло* служит довольно распространенный у сибирских народов мифологический мотив о том, что звезды – это трещины в небесном пологе, через которые свет из верхнего мира падает в нижний [Бутанаев, 2003: 44].

Процедуры верификации и установления связей соответствующих концептов в структуре ККМ, требующие привлечения словарных дефиниций и других вербальных контекстов, выявили, что в древнетюркской ЯКМ лексемы *јагуч* (разбитый) и *јагуч* (светлый) также имеют абсолютно идентичную фонетическую форму; примечательно, что и английские лексемы “*break*” (*ломать*) и “*break*” (*рассвет*) также совпадают. Это позволяет нам предположить, что в древних космогонических мифах вербально зафиксирован образ, обусловленный универсальным перцептивным паттерном восприятия восхода солнца как разлома линии горизонта.

В силу сущностных свойств концептуальной системы, понятийное ядро концепта **ярык** (светло) развивает ассоциативные отношения, репрезентируемые следующими лексемами: *ярык таҥ* (утро); *күннын жаркыны* (солнеч-

ный свет), жарыткыш (небесное светило), жарыдып турар (светить), жарыыр (светать), жарык (поляна, место, освещенное солнцем), которые репрезентируют метонимическое расширение значения в направлении свет – солнечный – небесный. А так как небо в первобытном сознании является эталоном красоты, у концепта жарык формируется новое значение, которое закрепляется в лексемах, означающих внешнюю привлекательность. Например, жараш (красивый, нарядный); жаражай (красавица); жаркынду (яркий); жаркын (блеск).

Следующая ступень развития значения детерминирована универсальной аффективно-ассоциативной связью красоты с любовью, радостью и весельем: жараар (нравиться,); жараткан (любить), жарагадый (подходящий); жардак (веселый, жизнерадостный). В алтайском мифе Ульгень после разделения мира со своим антиподом Эрликом дает установку: “Мее баккан албатынын санаазы ару болор! Олор кун корор, олор жарык корор”. Люди, последовавшие за мной, будут помыслами чисты. Они увидят солнце, они увидят свет [Ямаева, 1994: 12].

Взаимодействуя с концептом ак (белый), концепт жарык приобретает значение земная поверхность. “Эрлик-бий бербеске, санаган, Кудаи Кунди ле Айды алганча жердин алдынан турген ак-жарыктын устине чыккан емтир”. Эрлик, живший под землей, задумал не позволить Кудаю завладеть солнцем и луной и выбрался на поверхность [Ямаева, 1994: 36]. “Ак-жарык” также служит для обозначения мира живых. В алтайском мифе творения Ульгень повелевает: “Оло бергени – олзин, олбогони – ак-жарыкта жыргап, ыйлап-сыктап жургей”, – деди. “Умершие пусть будут мертвы, а живые пусть ходят по земле, радуясь и печалься”, – так он сказал [Ямаева, 1994: 23].

Описываемый концепт через образный компонент обнаруживает перцептивно-ассоциативные отношения с речью и её пониманием. Метафорическая аналогия между светом и ясностью изложения репрезентируется лексемами “жартап берер” – объяснять, “жарт айдар” – говорить отчетливо, “жар” – объявление; “жарт табыш” – ясный, отчетливый звук. “Эмди биске жарт”. Теперь нам всё понятно.

Концепт жарык (разбивать) организует значения, репрезентируемые лексемами жарык” – трещина, сломанный; жарат (берег реки, единое пространство, разбиваемое рекой на части); жарма (перловая крупа как зерно, разделенное на две части); жаарыжар (соревноваться, как способ выделить победителя); жаар (в сторону, в направлении). “Анайып тоо кунчыгыш жаар_баштанып, жадып алган”. Верблюд улегся, повернувшись к востоку. “Улу деп неме монкунин жарыгына жадар” [Ямаева, 1994: 143]. Великий человек должен жить на склоне высокой горы.

Универсальная метонимическая схема «действие – результат» лежит в основе соотнесенности концепта жарык с мифологическим концептом мирового яйца как исходного состояния мироздания. Так, паучиха разбивает яйцо буревестника, давая начало миру. Можно предположить, что именно входящий в состав лексемы жымыртка (яйцо) компонент –жым, (зажмуриваться, закрывать (глаза), репрезентирует связь доминантных концептов архаической

картины мира жарык (свет) – јымыртка (мировое яйцо) на основании их смежности, т.к., к примеру, закрывать (рот, уши) объективируется другой языковой единицей - жар (др. тюрк.), јабар (алт.), в которой значение зрительного восприятия отсутствует. Важно, что идентичность форм алтайской и древнетюркской лексемы јумиҕқа (яйцо) свидетельствует не только об их архаичности, но и служит подтверждением нашей модели трансформации значений, отражающей континуальность конструирования картины мира.

Таким образом, анализ вербальной репрезентации космогонических мифов позволил установить, что универсальными принципами организации архаичного образа мироздания являются целостность; системность многоуровневых отношений; глубинное взаимодействие и строгая иерархичность конституентов, обусловленная последовательностью происхождения объектов; динамичность как последовательность пространственных изменений; сакральность и имплицитный антропоцентризм.

Указанные универсальные принципы получают этноспецифичное воплощение в алтайской языковой картине мира, которой присущи уникальные комбинации универсальных и специфичных дериваций исходных значений; многочленные агглютинативные конструкции, объективирующие реально существующие связи и отношения между элементами действительности; атрибутивные глагольные проекции, репрезентирующие сущностные свойства реалей и интерпретирующие значения табуированных единиц; синтагматические отношения принадлежности и специфичные предикативные отношения, манифестирующие синкретичность восприятия объектов реальности, их сущностных признаков и свойств.

Исследование показало, что этническая специфика алтайской КМ состоит, прежде всего, в характере интерпретативных отношений между концептами разных уровней, обусловленном в числе прочих языковым содержанием. Специфика ЯКМ складывается в ходе оперирования образными, понятийными, эмоциональными, оценочными, ассоциативными и языковыми содержаниями в процессе выработки и аккомодации нового знания.

Мифологическая парадигма, благодаря содержащемуся в ней комплексу конвенционально закрепленных ассоциаций, раскрывает *идиоэтническую конфигурацию всей совокупности рематических смыслов*, порожденных базовым концептом; выявляет *коэффициенты интенсивности отношений между ядерными компонентами* картины мира; актуализирует слабо рефлектируемые *основания изначальных смысловых интерпретаций*, манифестирует наиболее частотные *когнитивные схемы*, способствуя не только конструированию вероятностной динамической модели фрагментов картины мира, но и выявлению специфических черт когнитивного стиля этноса, к числу которых можно отнести отчетливое преобладание метонимических когнитивных стратегий, обнаруженное в текстовой реализации древних алтайских мифов.

То, что архаическая КМ как первичный образ мироздания функционирует наряду с современной научной КМ в составе ККМ, не вызывает сомнений. Но факт детерминированности системы языковых презентаций исходными принципами архаической картины мира - глубинным взаимодействием и

строгой иерархичностью конститuentов, обусловленными зафиксированной мифом последовательностью происхождения объектов - поддается рефлексии только при определенных условиях.

Необходимость дальнейших интегративных исследований влияния мифологических представлений на характер структурирования картины мира и субстанциональной формы языка не вызывает сомнений. Исходя из существенных свойств мифа, и, в первую очередь, устойчивости архаического мифа на фоне эволюционного развития человечества, можно предположить, что дальнейшее исследование проблемы будет наиболее эффективно проводиться в синергетической парадигме, изучающей процесс становления человеческого сообщества как глобальной открытой динамичной саморазвивающейся системы.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. **Кравченко, А.К. Миф как компонент языковой картины мира [Текст] / А.К. Кравченко // Вестник Томского государственного университета: Общенаучный периодический журнал. Бюллетень оперативной научной информации. Актуальные проблемы филологии и педагогики. – Томск: Изд-во ТГУ, 2006. – № 71. – С.46-50.**
2. Кравченко, А.К. Миф и языковая картина мира [Текст] / А.К. Кравченко// Проблемы билингвизма в поликультурном пространстве: мат-лы I межд. научн-практ. конференции. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2006. – С.90-92.
3. Кравченко, А.К. Основные тенденции исследования мифа[Текст] / А.К. Кравченко// Языки и литературы народов Горного Алтая: международный ежегодник - 2002. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002.–135с. – С. 121-123.
4. Кравченко, А.К. Мифологема как ядерная структура семантической констелляции [Текст] / А.К. Кравченко// Языки и литературы народов Горного Алтая: международный ежегодник - 2005 – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2002.–222с. – С. 76-78
5. Кравченко, А.К. Языковые структуры как репрезентанты специфики этнокультурной концептуализации [Текст] / А.К. Кравченко// Реальность этноса/ Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности: Мат-лы VIII Международной научно-практической конференции. – С-П.: РГПУ, 2006. – С. 302-305
6. Кравченко, А.К. Метонимия как индикатор архаичности когнитивных структур. [Текст] / А.К. Кравченко// Проблемы билингвизма в поликультурном пространстве: Мат-лы II межд. научн-практ. конференции. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007.